

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И БОЕВОГО ОПЫТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В РУССКОЙ АРМИИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ В 1914–1917 ГОДЫ

Павел Геннадьевич Култышев

*Институт истории и международных отношений Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия,
pgkultyshev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-4158>*

Аннотация. Исследуется специфика формирования образа противника в сознании русских военнослужащих на Кавказско-Персидском театре военных действий в период 1914–1917 гг. Основное внимание уделяется анализу трансформации представлений о враге под влиянием особенностей ведения боевых действий и характера противостояния. На основе широкого круга источников рассматриваются ключевые факторы, повлиявшие на формирование образа противника: специфика этнического и конфессионального состава противоборствующих сторон, особенности тактики ведения войны в горных условиях, а также беспрецедентный уровень жестокости в отношении мирного населения. В работе показано, как первоначальные стереотипные представления о противнике постепенно трансформировались в более сложное восприятие, учитывающее социокультурные особенности врага. Особое внимание уделяется различиям в восприятии турецких и курдских формирований, а также эволюции отношения к противнику в условиях затяжной войны.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на изначальные предвзятости и конфессиональные различия, в ходе продолжительного противостояния происходило осознание общности человеческого опыта участников войны, что находило отражение в изменении восприятия врага.

Ключевые слова: Кавказский фронт, Первая мировая война, образ врага, восприятие противника, Османская империя, турецкая армия, курдские формирования, военная психология, геноцид

Для цитирования: Култышев П.Г. Влияние этнических стереотипов и боевого опыта на формирование образа врага в русской армии на Кавказском фронте в 1914–1917 годы // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 90–98.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-90-98

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

THE INFLUENCE OF ETHNIC STEREOTYPES AND COMBAT EXPERIENCE ON THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE RUSSIAN ARMY ON THE CAUCASIAN FRONT IN 1914–1917

Pavel G. Kultyshev

*Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
pgkultyshev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-4158>*

Abstract. The specifics of the formation of the image of the enemy in the minds of Russian servicemen in the Caucasian-Persian theater of operations in the period 1914–1917 are investigated. The primary focus is on analyzing the transformation of enemy perceptions under the influence of the specifics of military operations and the nature of the confrontation. Drawing on a wide range of sources, it examines key factors that influenced the formation of the enemy's image: the ethnic and religious composition of the opposing sides, the tactics of warfare in mountainous conditions, and the unprecedented level of cruelty towards

civilians. The paper demonstrates how initial stereotypical ideas about the enemy gradually transformed into a more complex perception that takes into account the sociocultural characteristics of the enemy. Particular attention is paid to differences in the perceptions of Turkish and Kurdish formations, as well as the evolution of attitudes toward the enemy during a protracted war.

The author concludes that, despite initial biases and confessional differences, during the long conflict there was an awareness of the commonality of human experience among the participants in the war, which was reflected in a change in the perception of the enemy.

Keywords: Caucasian Front, World War I, enemy image, enemy perception, Ottoman Empire, Turkish army, Kurdish formations, military psychology, genocide

For citation: Kultyshev P.G. The influence of ethnic stereotypes and combat experience on the formation of the image of the enemy in the Russian army on the Caucasian front in 1914–1917. *Naučnāâ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 1. P. 90–98. (In Russ.)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-90-98

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Original article

В условиях военных действий особое значение приобретает психологический портрет противника, формирующийся в умах военнослужащих. Этот ментальный образ становится фундаментальным фактором, во многом определяющим боеспособность и моральный дух солдат, участвующих в военных действиях. Восприятие противника напрямую влияет на готовность личного состава к выполнению боевых задач: от способности вести оборонительные действия до решимости идти в наступление. Более того, именно через призму этого образа преодолевается ключевой психологический барьер – осознание допустимости лишения жизни другого человека.

Фундаментальные работы по изучению образа врага на Кавказском фронте Первой мировой войны представлены в отечественной историографии недостаточно полно. Основное внимание исследователей традиционно было сосредоточено на событиях Восточного фронта, в то время как периферийные театры военных действий, включая Кавказский фронт, оставались в тени научного интереса. Отечественная историография имеет ряд работ, посвящённых военным операциям на Кавказе, однако вопросы психологического восприятия противника, трансформации образа врага в сознании русских комбатантов исследованы фрагментарно. Существующие труды преимущественно фокусируются на оперативно-стратегических аспектах боевых действий, уделяя меньше внимания военно-психологическим и социокультурным аспектам противостояния. Современные же исследовательские тренды демонстрируют тенденцию как раз к более глубокому изучению челове-

ческого измерения войны, включая восприятие противника и вооружённого конфликта. И тем не менее, в современной отечественной историографии можно выделить несколько ключевых работ, без характеристики которых сейчас невозможно представить развитие военно-исторической антропологии. Первой работой в этом ряду безусловно выступает труд Е.С. Сеньявской «Противники России в войнах XX века» [1]. В данной работе историк вполне справедливо отмечает некоторые особенности военных действий на Кавказе, которые оказали непосредственное влияние на формирование образа врага. Следующей работой, где в той или иной степени рассматриваются отдельные черты массового сознания солдат русской армии, является монография Р.Н. Евдокимова, а если точнее, то один из её разделов [2]. Р.Н. Евдокимов выделяет отдельные факторы, которые способствовали формированию образа врага и влияли на мироощущение солдат русской армии в условиях войны на Кавказском фронте. В исторической периодике данная проблематика практически не раскрыта и остаётся частью лишь двух указанных монографических исследований. Однако комплексный анализ формирования образа врага с учётом специфики Кавказского театра военных действий, особенностей противоборствующих сторон и влияния этих факторов на боевой дух войск требует дальнейшего изучения. Особую значимость, в связи с этим, приобретает исследование трансформации представлений о противнике в условиях специфического военного противостояния, что позволяет глубже понять механизмы формирования военно-психологических установок в условиях Первой мировой войны.

Цель настоящей статьи – выявление и анализ отличительных и характерных черт формируемого в массовом сознании русских комбатантов образа врага на Кавказском фронте Первой мировой войны. Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение нескольких задач: исследовать влияние этноконфессионального фактора и условий горной войны на становление образа врага у русских комбатантов; определить, как практика насилия против мирного населения и длительность конфликта меняли восприятие противника; продемонстрировать эволюцию отношения к туркам и курдам: от стереотипов к более сложному пониманию «врага». Актуальность настоящей проблематики обусловлена необходимостью понимания того, как специфика военного противостояния (этнические, конфессиональные различия сторон, особенности ведения боевых действий в горных условиях, беспрецедентный уровень жестокости) влияла на восприятие врага русскими солдатами и офицерами.

В методологическом плане исследование опирается на принципы военно-исторической антропологии, что позволяет сместить фокус с традиционных оперативно-стратегических аспектов на человеческое измерение войны: восприятие, эмоции и трансформации сознания участников боевых действий. Ключевой исследовательский подход заключается в комплексном применении следующих методов исторической науки: историко-генетический метод, сравнительно-исторический метод, историко-психологический анализ и дискурсивный анализ. Сочетание этих методов позволяет не только вскрыть содержание образа врага, но и объяснить механизмы его формирования под воздействием этноконфессиональных различий, тактических особенностей боевых действий и морально-психологического состояния воюющих сторон.

В период Первой мировой войны русская армия оказалась вовлечена в масштабное противостояние с армиями нескольких государств. Силы Германии, Австро-Венгрии и Болгарии представляли собой традиционных европейских противников, чьи военные традиции и методы ведения боевых действий были хорошо знакомы русскому солдату. Однако ситуация кардинально изменилась на Кавказском направлении и в ходе военной кампании в Персии. Здесь русским войскам противостояли османские силы, представленные преимущественно регулярной армией и иррегулярными курдскими формированиями. Противники олицетворяли совершенно иной,

«азиатский» тип военного противоборства, существенно отличавшийся от привычных европейских моделей ведения войны.

Вступление Османской империи в войну на стороне центральных держав носило закономерный характер и было вполне прогнозируемым. К началу конфликта турецкие вооружённые силы прошли значительную модернизацию под руководством немецких военных специалистов и были в военном отношении несколько «европеизированы», что найдёт своё дальнейшее развитие в восприятии турка-врага. К моменту начала военных действий вооружённые силы Османской империи насчитывали приблизительно 780 тыс. военнослужащих, в том числе представителей вооружённых формирований кочевых народностей. Значительный вклад в повышение боеспособности турецких войск внесли приглашённые немецкие военные инструкторы. Примечательно, что османская военная машина практически синхронно со вступлением в глобальный конфликт начала активную передислокацию своих подразделений на территорию Персии. Данное направление представляло особый интерес ввиду наличия там обширных нефтяных месторождений, и вовлечение Персии в противостояние на стороне противников Антанты могло существенно осложнить положение русских войск на Кавказском направлении, а англичан – в районе Месопотамии.

Для предотвращения подобного развития событий страны Антанты приняли стратегическое решение о развёртывании в регионе экспедиционных контингентов. Роль защитников нейтрального статуса Персии взяли на себя вооружённые силы Великобритании и Российской империи, осуществившие ввод войск на персидскую территорию в конце 1914 г. К завершающему этапу 1914 г. турецкое командование осуществило масштабную концентрацию военных сил в Персии и Месопотамии, основу которых составляли подвижные формирования курдских подразделений. Стратегическое планирование османского руководства явно ориентировалось на продолжительный характер военных действий в данном регионе с акцентом на применение партизанской тактики.

Несмотря на внушительную численность турецких войск и протяжённость линии фронта, в российском общественном дискурсе османская армия не воспринималась как серьёзная военная угроза. В народной памяти ещё сохранялись воспоминания о победах в предыдущей русско-турецкой войне. Однако специфика военного

противостояния в данном регионе существенно отличалась от событий на европейских театрах военных действий. В то время как в европейских зонах конфликта гражданское население в целом избегало массовых репрессий и этнических чисток, на Кавказском и Персидском направлениях ситуация развивалась по совершенно иному сценарию. Военные столкновения здесь характеризовались исключительной ожесточённостью, что обуславливалось комплексом взаимосвязанных факторов и формировало особое восприятие противника среди противоборствующих сторон.

За годы, предшествующие началу мирового конфликта, правящие круги Османской империи последовательно проводили курс на дискриминацию народов, не относящихся к тюркской и мусульманской группам. Идеология построения однородного в национальном и конфессиональном отношении государства легла в основу государственной политики и привела к масштабным актам насилия против нетюркского населения империи. Особенно трагичной оказалась судьба армянского народа, ставшего главной мишенью этой политики.

Характер этнических чисток, развернувшихся в этот период, носил системный характер. Их целью было не просто уничтожение военной силы противостоящих групп, но полное искоренение целых народов. Это предполагало истребление не только мужчин, потенциально способных к вооружённому сопротивлению, но и женщин как носительниц демографического потенциала этноса. Ситуация на Кавказском направлении приобрела ужасающие черты. Когда русские военные формирования занимали армянские населённые пункты, они сталкивались с двумя одинаково трагичными картинками: либо поселения оказывались полностью покинутыми жителями, либо представляли собой места массового захоронения, где находились изуродованные тела женщин и детей [3, с. 90–91, 93, 95]. Участник боёв на закавказском театре военных действий П.В. Ден позже признавался: «Трудно описать картины совершённых курдами зверств. Можно было видеть трупы женщин... В некоторых местах по дороге надо было затыкать нос, так ужасен был смрад от множества усеянных по дороге разлагавшихся трупов» [4, с. 135]. Не менее страшные данные фигурируют и в официальных документах. Так, в сводке о действиях противника сообщается следующее: «Под предлогом призыва на службу в качестве рабочих забирают всех мужчин от 18 до 80-летнего возраста, их арестовывают и затем расстреливают в

заранее приготовленных местах, не делая различия между видными представителями духовенства и купечества. Только незначительной части удается спастись бегством» [5]. Первые же донесения о массовых гонениях в отношении христиан начали поступать ещё в декабре 1914 г. [6].

Политика османского правительства в отношении армянского населения не ограничивалась лишь уничтожением населённых пунктов вместе с их обитателями. Государственные власти активно практиковали массовую депортацию армян в безлюдные области Северной Месопотамии. Путь до этих мест был настолько тяжёл, что лишь немногие из депортированных достигали конечного пункта назначения. Те же, кому удавалось добраться до специальных лагерей, оказывались в условиях, не совместимых с нормальной жизнью. Беззащитные группы изгнанных армян становились лёгкой мишенью для местного мусульманского населения. Государственная пропаганда активно подстрекала к грабёжам и убийствам, что делало подобные преступления практически безнаказанными.

Не менее уязвимыми были и потоки беженцев, двигавшихся через территории, контролируемые противником. Однажды во время выполнения разведывательной миссии казачий отряд столкнулся с жутким зрелищем – свидетельствами жестокого насилия и массовой гибели людей. Эта картина навсегда запечатлелась в памяти очевидцев как яркий пример бесчеловечности происходящего. «С высоких скалистых берегов глубокого ущелья, насколько хватало глаз на юг и на север, по нему частыми пятнами лежали трупы людей. ... Женщины и дети, одиночками и маленькими группами, видимо семьями, устлали весь путь к ущелью...» [3, с. 129–130]. Но, как это зачастую бывает, жестокость может породить только обратную жестокость и озлобление. Так, А.Л. Толстая (дочь писателя Л.Н. Толстого), оказавшись в городе Ван в качестве сестры милосердия, позже свидетельствовала, что мирное турецкое население серьёзно пострадало от расправ со стороны армян [7], а в другом случае по материалам воспоминаний Х.Д. Семиной армянскими добровольцами были убиты безоружные пленные турецкие солдаты [8, с. 186–187].

В контексте беспрецедентной жестокости военных действий особый исследовательский интерес представляет формирование образа противника в сознании участников боевых действий на Кавказском направлении. Как уже было отмечено ранее, противоборствующие силы в этом регионе представляли две основные воен-

ные группировки: иррегулярные формирования курдских племён и регулярные части османской армии. Примечательно, что в начальный период конфликта курдские военные формирования не воспринимались русским командованием как значимая военная сила, способная оказать существенное сопротивление. «Мы, – вспоминал Ф.И. Елисеев, указывая на себя и рядовых сослуживцев – упоенные успехами первых дней войны, силы и сопротивление курдов не считали серьёзными... Полудикие... всегда вооружённые винтовками и ножами, они, при превосходстве сил, были храбры и дерзки» [3, с. 70]. П.В. Ден характеризовал курдов как предприимчивого, назойливого, но слабого противника, которого русский солдат не боится [4, с. 121]. Подобного мнения о боеспособности многочисленных курдских формирований был и В.И. Левицкий: «Эта внушительная, на первый взгляд, сила в боевом смысле не представляла чего-либо серьёзного. В бою они не выдерживали ни сильного огня, ни атак, а действия их, хотя и руководимые турецкими офицерами, отличались беспорядочностью и неустойчивостью» [9, с. 275]. Более того, поражения от «полудиких» курдов вызывали в русских войсках неподдельное удивление. «Мы, – писал Ф.И. Елисеев о поражении 3-го Волгского полка, – были в недоумении от столь серьёзных потерь полка и в особенности оттого, что потеряли орудия, да ещё курдам» [3, с. 67]. Вероятно, русский солдат и офицер были не готовы к такому противнику. Изначально представлявшийся слабым и не заслуживающим доверия, курд своим типом ведения войны заставил изменить мнение о себе.

С течением времени первоначальные представления о противнике начали существенно трансформироваться, что являлось закономерным процессом в условиях реального военного противостояния. Особого внимания заслуживает специфика ведения боевых действий на Кавказском направлении, которая существенно отличалась от операций на других театрах военных действий Первой мировой войны и влияла на восприятие врага. Характерной чертой военного противостояния в этом регионе стала особая организация войск противника, обусловленная, прежде всего, особенностями местного ландшафта. В отличие от масштабных операций на Восточном фронте, боевые действия в горных районах Кавказа характеризовались применением небольших мобильных групп. Особенно ярко это проявлялось в тактике курдских формирований, основу которых составляли мобильные

конные отряды. Несмотря на относительно небольшую численность этих подразделений, они демонстрировали высокую боевую эффективность. Их действия носили крайне агрессивный и непредсказуемый характер: они не только осуществляли разведку и беспокоили передовые посты русских войск, но и проводили дерзкие рейды по тыловым районам, создавая постоянную угрозу коммуникациям противника. «Пользуясь растянутостью нашего фронта, – писал в своих воспоминаниях В.А. Левицкий, – где местами вместо войск приходилось ограничиваться лишь наблюдениями, они часто пробирались к нам в тыл с целью набегов» [9, с. 275]. Такая тактика значительно усложняла задачу по обеспечению безопасности и требовала от русского командования разработки специальных мер противодействия мобильным группам противника.

Вместе с тем отличить мирного курда от неприятеля было очень сложно, поскольку, по словам того же Ф.И. Елисеева, каждый курд был обязан иметь при себе оружие, а любой мирный житель селения мог с лёгкостью стать врагом. Лучше всего данную суть войны, как это не покажется странным, выразил в своих воспоминаниях морской офицер-подводник Н.А. Монастырёв. Оказавшись вблизи линии Кавказского фронта, он написал следующее: «Тут я получил первое впечатление от горной войны. Каждый момент можно было ожидать пулю, или подвергнуться нападению...» [10, с. 53]. Другой участник военных действий на кавказско-персидском направлении писал: «На ночь приказано было усилить меры охранения, ввиду появления в окрестностях вооружённых курдов. Мы приближались к области, населённой этим воинственным и недружелюбно к нам настроенным племенем, и можно было ожидать всяких сурпризов» [4, с. 120]. Подъесаул же Ф.И. Елисеев характеризовал подобную тактику как «бесконечную разведку» [3, с. 77]. В воспоминаниях сестры милосердия Х.Д. Семиной курд выступает неким олицетворением коварства, жестокости и воинственности. Автор нередко подчёркивает, что курды живых не оставляют и пленных не берут, их нападения следует ждать в любое время и отовсюду [8, с. 99, 358, 432, 433, 435]. Курд характеризуется как предельно коварный и жестокий противник и казаки «их прямо не переваривают» [11, с. 134]. Демонизация врага, преувеличение его силы и самой угрозы, исходящей от него, выступает вполне закономерным и обычным явлением в период любых войн. Враг должен быть носителем крайне отрицательных

черт, что призвано выступать неким оправданием его смерти и борьбы с ним.

Однако на Кавказском фронте демонизация врага усиливалась самим ландшафтом военных действий (ущелья и горы весьма способствуют засадам и внезапным нападениям) и высокой степенью ожесточённости. Причём эта жестокость развилась не между армиями воюющих государств по отношению друг к другу, что было бы вполне логично и предсказуемо, а укоренилась в действиях иррегулярных частей. Это можно объяснить как отсутствием жёсткого нормативного контроля за их действиями со стороны государства, так и тем, что иррегулярные подразделения зачастую совмещают боевые действия с контролем над населением, сбором ресурсов, карательными акциями. Это размывает границу между военным и гражданским, провоцируя насилие против мирных жителей. При этом в большей степени для курдов, что также может служить объяснением ожесточения, были характерны несколько иные, более примитивные и архаичные практики ведения войны, возводившие насилие в поле новой боевой нормальности, являющиеся символом мужественности и зрелости. Другим важным фактором, провоцировавшим рост ожесточения, являлось так же и то, что иррегулярные бойцы, нередко связанные со своей родной местностью и населением, могли использовать войну для сведения старых счётов, мести за прошлые обиды или защиты своих семей и общин. Это придаёт конфликту эмоциональную окраску и провоцирует предельный радикализм в их действиях. Нельзя также отвергать и другой аспект, добровольческие части нередко находятся на самообеспечении и могут испытывать нехватку оружия, провианта, медикаментов и фуража. Это может вынуждать их к грабежам и насилию против местного населения для обеспечения себя необходимыми ресурсами. Весьма яркую картину подобного рисуют документы по Кавказской армии о дисциплине и грабежах, чинимых бойцами из армянских добровольческих отрядов. Так, в рапорте генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии П.А. Томилова значатся следующие строки: «...в район проникают армяне-дружинники, вооружённые винтовками и без всяких документов. Есть сведения, что они занимаются грабежом» [12, л. 34–35]. Российская сторона, понимая некоторую пагубность добровольчества стремилась взять ситуацию под государственный контроль и ввести армянские дружины в правовое поле. По распоряжению генерала Н.Н. Юденича, на армянские части для

поддержания в их рядах подобающей дисциплины распространялось привлечение к военно-полевому суду, заключение под стражу и штрафы. Нормы эти варьировались от тяжести содеянного [12, л. 36–37].

И тем не менее, основным противником русской армии на Кавказском фронте была армия Османской империи. Взаимодействие русских и османских войск чаще всего происходило в ходе масштабных наступательных операций, что позволяло рассматривать турок как противника, близкого по типу ведения боевых действий к европейским армиям. Однако, несмотря на это, турецкие военнослужащие, подобно курдским формированиям и немецким частям, изначально не вызывали серьёзного опасения у русского командования. При этом существовавший в общественном сознании стереотип о «восточном коварстве» формировал определённый образ противника. По наблюдениям Ф.И. Елисеева, турки представлялись как народ храбрый, но жестокий. Тем не менее, реальная картина существенно отличалась от сложившихся представлений. В ходе непосредственного противостояния выяснилось, что османские солдаты демонстрировали высокий уровень боеготовности. Они отличались бодрым моральным состоянием, качественным обмундированием, отсутствием признаков упадка духа. Это свидетельствовало о том, что турецкая армия, несмотря на предвзятое отношение к ней, представляла собой серьёзную военную силу, способную эффективно противостоять противнику в условиях масштабных боевых действий. Участник военных действий в Закавказье П. Ден писал: «В Джульфе встретил транспорт раненных, наших и турок. Турецкие солдаты производят очень симпатичное впечатление, добродушные открытые лица без всякого выражения жестокости» [4, с. 115]. Не менее удивительные строки в своих воспоминаниях оставил В.А. Левицкий: «Турок – отличный солдат. Он безупречно храбр, стоек и очень скромен в требованиях к жизни... турецкий пехотинец и по природным качествам, и по боевой подготовке не уступит ни одному лучшему солдату в мире» [9, с. 271]. Единодушен в своих оценках турецкого солдата был и генерал-майор Е.В. Масловский: «Они (*турки-солдаты* – П.Г.) храбро дрались, почти всегда принимали штыковой удар, хорошо применялись к местности, хорошо шли в атаку, отлично оборонялись...» [13]. Поведение пленных турецких офицеров демонстрировало высокий уровень военной культуры: они с достоинством выполняли воин-

ские приветствия и могли вести беседу не только на родном языке, но и на французском [3, с. 161]. Образ «благородного турка», зафиксированный в офицерском нарративе и распространяемый среди рядовых солдат, был вполне традиционен для отечественной образной культуры, истоки которой прослеживаются ещё с XIX в. [14].

Постепенно, по мере развития военных действий, восприятие османских военнослужащих в рядах русской армии претерпевало существенные изменения. Если в начале конфликта турецкие войска не рассматривались как серьёзная угроза, то спустя несколько месяцев ситуация кардинально изменилась. Стало очевидно, что противник обладает значительным военным потенциалом, и пренебрежение его силами привело к ряду неудач для русских войск на Кавказском направлении, включая потерю территорий Батумской области. Перемены в командовании русской армии стали поворотным моментом в ходе боевых действий, изменив их динамику в пользу российских сил. При этом нельзя не отметить, что мужество и стойкость турецких воинов, их настойчивые попытки переломить ход войны, несмотря на череду тяжёлых поражений, вызывали определённое сочувствие. Ф.И. Елисеев и его сослуживцы, наблюдая за противником, начали понимать сложность положения, в котором оказались как турки, так и курды. Подобно солдатам русской армии, они самоотверженно защищали родную землю, с тоской ожидали встречи с близкими и верили в победу [3, с. 143–144]. Не менее интересны в этом отношении и другие свидетельства. В частности, по мнению участника военных действий на Кавказе, для русского солдата было в целом свойственно сочувственное отношение в турку: «Наш солдат прекрасно понимает, как тяжело приходится голодному врагу, и делиться последней краюхой хлеба. Вообще по отзывам очевидцев, взаимоотношения русских и турок отличные» [11, с. 134]. Сочувствие и постепенный рост уважения к вражескому солдату способствовали проявлению общности в положении военнослужащих двух армий. В этих общих чертах проявлялась человеческая сущность воинов противоборствующих сторон, объединённых общей трагедией военного времени.

Дополнительным фактором «очеловечивания врага» стало затягивание военного конфликта, когда физическое и психологическое истощение личного состава достигло критических отметок и восприятие противника начало претерпевать существенные изменения. Посте-

пенно враг всё чаще воспринимался не как абстрактный противник, а как такой же простой солдат, вынужденный жертвовать своей жизнью ради чужих интересов. Как точно подметил Ф.И. Елисеев, всех воюющих объединял единый страх смерти, стирающий различия между казаками, турками и курдами — «над всеми одна судьба» [3, с. 65]. Это осознание общей трагической участи постепенно преодолеvalo идеологические и культурные барьеры, формируя новое понимание противника как человека, оказавшегося в схожих жизненных обстоятельствах. Однако гуманизация образа врага имела совершенно понятные ограничения, накладываемые дисциплиной, присягой и внутренним армейским братством. Более того, специфика военных действий на кавказско-персидском направлении отличалась от ситуации на других фронтах, в частности, в отношении практики братания между противоборствующими сторонами. В то время как на Восточном фронте первые случаи неформального перемирия между солдатами фиксировались в период рождественских и пасхальных праздников с конца 1914 г., а к 1917 г. приобрели массовый характер, на кавказско-персидском театре военных действий подобные проявления были исключительной редкостью. Данная особенность обусловлена двумя ключевыми факторами: беспрецедентная жестокость в отношении гражданского населения и культурно-конфессиональные различия, исключавшие возможность осознания общности в контексте религиозных обрядов и праздников. Более того, на Восточном европейском фронте в сознании комбатантов русской армии сформировалась и закрепились установка о непобедимости врага-немца. Он был хитёр, образован, технически оснащён, а военные действия против него не приводили к серьёзным переменам в пользу Российской империи [1, с. 62–72]. На Кавказском театре военных действий турок никогда не представлялся как противник, превосходящий русского солдата в уме, учёности, храбрости и выучке, а потому был его вполне можно было одолеть.

Анализ восприятия противника на кавказском театре военных действий в период 1914–1917 гг. выявил сложный комплекс взаимосвязанных факторов, сформировавших уникальный образ врага. Дифференцированное отношение к различным противникам проявлялось в том, что турецкие военнослужащие вызывали более уважительное и сочувственное отношение по сравнению с курдскими формированиями, что создавало неоднородный эмоциональный

фон. Особенности местности и характер боевых действий, где небольшие мобильные группы противника действовали в сложном горном рельефе, превращали войну в непрерывное противостояние, напоминающее постоянную разведывательную операцию. Особую роль играла жестокость по отношению к мирному населению, которая создавала атмосферу непримиримости и делала невозможным поиск точек соприкосновения между противоборствующими сторонами. Религиозный фактор выступал дополнительным катализатором противостояния: конфессиональные различия между воюющими сторонами препятствовали установлению какого-либо взаимопонимания и делали невозможным поиск национального или духовного единства. В результате совокупность этих факторов создала особую модель восприятия противника, существенно отличавшуюся от той, что существовала на других фронтах Первой мировой войны.

Список источников

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 288 с.
2. Евдокимов Р.Н. Казаки на «захолустном фронте»: казачьи войска России в условиях Закавказского театра Первой мировой войны, 1914–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2022. 316 с.
3. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М.: Воениздат, 2001. 292 с.
4. Ден П.В. Нижегородцы в Великую войну 1914–1917 годов по воспоминаниям участников // Нижегородские драгуны на фронтах Великой войны, 1914–1918: Воспоминания / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына / Сост. вступл. и примеч. А.В. Марыняка, худож. И.И. Антонова]. М.: Викмо-М, 2014. С. 25–148.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2168. Оп. 1. Д. 194. Л. 95.
6. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 455. Л. 73–75.
7. Толстая А.Л. Дочь. М.: АО «Книга и бизнес», 1992. 462 с. С. 52–53.
8. Семина Х.Д. Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918 гг. / Вступ. ст. и примеч. Д.И. Болотиновой. М.: Кучково поле, Горные технологии, 2016. 800 с.
9. Левицкий В.А. На Кавказском фронте Первой мировой войны: Воспоминания капитана 155-го пехотного Кубинского полка. 1917–1917 / предисл. и примеч. М.К. Чинякова. М.: Кучково поле, 2014. 624 с.
10. Монастырёв Н.А. На подводном монстре по кличке «Краб» // Военно-исторический журнал. 2007. № 9. С. 52–57.
11. Т. М. Из дневника участника Кавказского фронта // Военный сборник. 1916. № 9. С. 133–144.
12. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 982.
13. Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М.: Вече, 2015. 544 с. С. 41.
14. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 315 с. С. 111–113, 161–163.

References

1. Senyavskaya E.S. *Russia's Adversaries in the Wars of the Twentieth Century: The Evolution of the «Image of the Enemy» in the Consciousness of the Army and Society*. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 288 p. (In Russ.).
2. Evdokimov R.N. *Cossacks on the «Backwater Front»: Russia's Cossack Troops in the Transcaucasian Theater of World War I, 1914–1918*. Moscow, Centerpoligraf, 2022. 316 p. (In Russ.).
3. Eliseev F.I. *Cossacks on the Caucasian Front. 1914–1917: Notes of a Colonel of the Kuban Cossack Host in Thirteen Brochure-Notebooks*. Moscow, Voenizdat, 2001. 292 p. (In Russ.).
4. Den P.V. Nizhny Novgorod Residents in the Great War of 1914–1917 Based on the Memoirs of Participants, In: *Nizhny Novgorod Dragoons on the Fronts of the Great War, 1914–1918: Memories*. Compiled with introduction and notes by A.V. Marynyak, artist I.I. Antonov]. Moscow, Vikmo-M, 2014. 304 p. P. 25–148. (In Russ.).
5. *Russian State Military Historical Archive*. F. 2168. Inv. 1. Case. 194. Sh. 95. (In Russ.).
6. *Russian State Military Historical Archive*. F. 2003. Inv. 1. Case. 455. Sh. 73–75. (In Russ.).
7. Tolstaya A.L. *Daughter*. Moscow, AO Kniga i biznes, 1992. 462 p. P. 52–53. (In Russ.).
8. Semina Kh.D. *Notes of a Sister of Mercy. Caucasian Front. 1914–1918*. Introduction and notes by D.I. Bolotinova. Moscow, Kuchkovo Pole, Gornye Tekhnologii, 2016. 800 p. (In Russ.).
9. Levitsky V.A. *On the Caucasian Front of World War I: Memories of a Captain of the 155th Kubinsky Infantry Regiment. 1917–1917*. Introduction and notes by M.K. Chinyakov. Moscow, Kuchkovo Pole, 2014. 624 p. (In Russ.).
10. Monastirev N.A. On the Underwater Monster Nicknamed «Crab». *Military History Journal*. 2007. No. 9. P. 52–57. (In Russ.).
11. T. M. From the diary of a participant of the Caucasian Front. *Military Collection*. 1916. No 9. P. 133–144. (In Russ.).
12. *Russian State Military Historical Archive* F. 2100. Inv. 1. Case. 982. (In Russ.).
13. Maslovsky E.V. *The Great War on the Caucasian Front. 1914–1917*. Moscow, Veche, 2015. 544 p. P. 41. (In Russ.).
14. Taki V. Tsar and Sultan. The Ottoman Empire through the Eyes of Russians. Moscow: New Literary Review, 2017. 320 p. P. 111–113, 161–163. (In Russ.).

Информация об авторе

П.Г. Култышев – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 140.

Information about the author

P.G. Kultyshev – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Russian History of the 20th–21st centuries. 140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 3.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 3.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 94 (479)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-98-105

**РЕГИСТРАЦИОННЫЕ ДЕЛА ЦЕРКВЕЙ И МОЛИТВЕННЫХ
ДОМОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ
ЖИЗНИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Людмила Викторовна Табунщикова^{1,2}

¹Институт истории и международных отношений Южного федерального университета;

²Донская духовная семинария, Ростов-на-Дону, Россия,

lvtabunshikova@sfedu.ru

Аннотация. Проанализированы регистрационные дела православных церквей и молитвенных домов как источника по истории религиозной жизни периода Великой Отечественной войны. Выявлены основные типовые документы, позволяющие реконструировать историю Церкви на Дону. Дается оценка возможности использования регистрационных дел для реконструкции истории религиозной жизни на Дону периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Регистрационные дела православных церквей и молитвенных домов; Религиозное возрождение; Великая Отечественная война в Ростовской области; Русская православная церковь

Для цитирования: Табунщикова Л.В. Регистрационные дела церквей и молитвенных домов как источник по истории религиозной жизни периода Великой Отечественной войны на территории Ростовской области // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 98–105.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-98-105

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

**REGISTRATION RECORDS OF CHURCHES AND PRAYER HOUSES
AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF RELIGIOUS LIFE DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE ROSTOV REGION**

Lyudmila V. Tabunshchikova^{1,2}

© Табунщикова Л.В., 2026